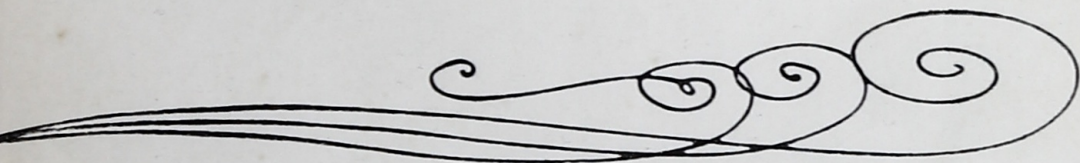
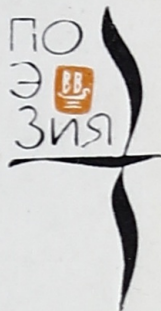
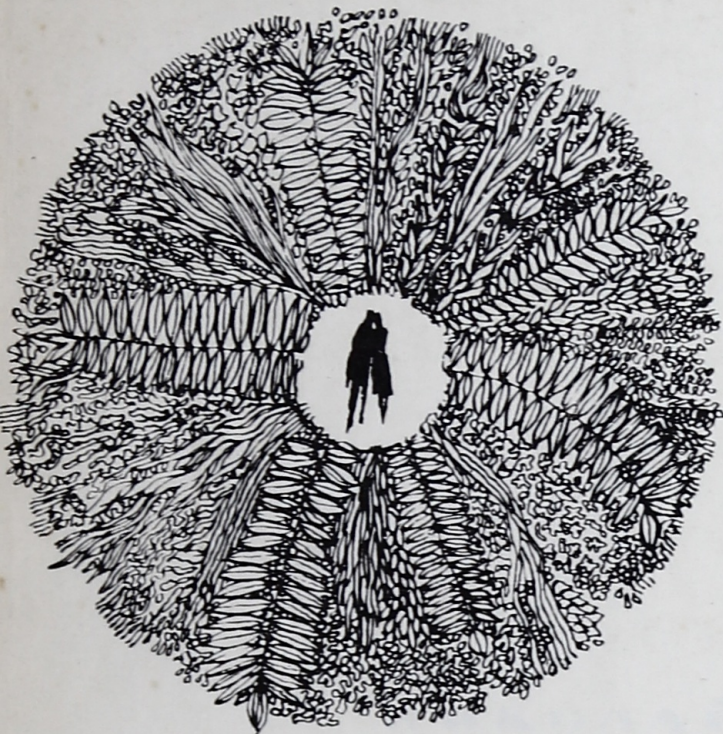

15.490K

НИКОЛАЙ ГРАЧЕВ
СОРОК ТРАВ

БИБЛИОТЕЧКА
ПИСАТЕЛЕЙ
ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

15.490к

Николай Грачев

СОРОК ТРАВ

СТИХИ И ПОЭМЫ

94

-- 2010

О ЛЮДЯХ, ЧТО УШЛИ НЕ ДОЛЮБИВ

Венок сонетов

*Памяти Николая Майорова
и его товарищей,
поэтов, павших на фронтах
Великой Отечественной войны*

* * *

В земле слежалась тьма свинца и стали
С времен второй проклятой мировой.
Мы в жизни стать поэтами мечтали,
А стали злаком, деревом, травой.
Нет, нас не отпевали, не рыдали
Над нами трубы меди полковой,
И мы живыми быть не перестали,
Упад вперед, на запад головой.
Над нами свищут нынче только осы,
И говорим мы, стебли наклонив:
«Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы».

* * *

В земле слежалась тьма свинца и стали.
До сей поры холмы еще хранят
Стаканы гильз, и чешую гранат,
И медальоны, что нам выдавали.
У под «нолевку» стриженных ребят
Любовь, мечты и молодость отняли
Те, в касках, что «Лили Марлен» орали,
Палили в солнце, вскинув автомат.
Но мальчишки сороковых годов
Не оставляли после смерти вдов,

И городов без боя не сдавали.
Они бросались, словно в реку, в бой.
Их до сих пор еще не сосчитали
С времен второй проклятой мировой.

* * *

С времен второй проклятой мировой
Уже давно прошли десятилетия.
У каждого из тех, двадцатилетних,
Сейчас такой же сын подрос бы свой.
Но сына нет. Нет дома. Не впервой
Я просыпаюсь, как от свиста плети,
И чувствую себя случайной ветвью,
Оставшейся от рощи молодой.
Не счесть могил. Они окрест ребят.
На тех — солдат сжимает автомат,
На этих — просто звездочка из стали.
Метут метели. Желтый лист парит.
Мне каждый холмик словно говорит:
«Мы в жизни стать поэтами мечтали...»

* * *

Мы в жизни стать поэтами мечтали,
Но о войне сказали рупора,
И сердцу своему сказав: — Пора!
Мы свой литфак любимый покидали.
Мир разделен на «нынче» и «вчера».
Вчера Рембо и Блока мы читали,
Свое, вот-вот сошедшее с пера...
А нынче — нам обмотки выдавали.
Вокзал. Теплушки. Марш-бросок. Атаки.
Окоп полуоткрытый дают траки
И «мессера» висят над головой.
О смерти мы не думали, однако:

Над бруствером мы поднялись по знаку
И стали знаком, деревом, травой...

* * *

И стали знаком, деревом, травой,
Смеющимся ребенком, верным словом
Те помыслы, что брал ты за основу,
Когда-то говоря с самим собой?
Поверил в бой? Приветил непокой?
Был сбит на землю, чтоб подняться снова?
В лицо ханжи бросал гранатой слово?
Я задаю тебе вопрос такой
От имени хлебнувших смертной стали,
Не слышащих сегодня пенья птах,
От имени навек глаза закрывших,
Хоть мало живших, но отнюдь не бывших,
Тех, кто сегодня б мог сказать в стихах:
«Нет, нас не отпевали, не рыдали...»

* * *

Нет, нас не отпевали, не рыдали
Любимые ушедшим вслед. Сухи
Глаза их были. Бритву, хлеб, стихи
Они заранее нам упаковали.
Они стояли молча на вокзале.
В пристанционном сквере лопухи
И пыльный подорожник... А духи
Они до срока, возвратясь, убрали.
А срок был долгод, кой кому — бессрочье.
А жизнь — письма солдатского короче,
Что пишут наспех на передовой.
Мрак тыла. Звезд граненых многоточье.
И чудятся любимым долгой ночью
Над нами трубы меди полковой...

* * *

Над нами трубы меди полковой
Молчат. Не реют славные знамена.
В сожженное село вошла колонна,
Где, мнится, не найти души живой.
А жизнь мелькнула русой головой
Мальчонки. Стариком, как бы с иконы —
В рубахе грубовытканной, посконной,
И с длинною седою бородой.
Острее ножа неслаженность судеб.
Мы им землянку вырыли и хлеб,
Стесняясь, в руки черные совали.
Не жесточее сердце на войне —
Становится ранимее вдвойне,
И мы живыми быть не перестали.

* * *

И мы живыми быть не перестали —
Ни ты, ни он, ни друг его, ни я —
В крутых боях на грани бытия,
На перекрестках трасс свинца и стали.
Мы землю, солнце, мир людей спасали,
Громя орду двуногого зверья,
Но в Трептов-парке встал на пьедестале
Страж мира, не карающий судья.
Вокруг его друзья в земле уснули,
И над землей бутоны развернули,
Благоухая, розы и левкой.
А он стоит в бесменном карауле,
И помнит все, как друг шагнул под пули,
Упав вперед, на запад головой...

* * *

Упав вперед, на запад головой,
Лежу в траве, ничком, раскинув руки,
И небо пью, и впитываю звуки
Глазами, каждой клеткою живой.
В зените облака идут гурьбой
По голубой сияющей излучке,
Как паруса, как горы, как фелуки.
А на земле — цветов и трав прибой.
А друг в земле сырой. Ему не встать,
Не встретить мать, подругу не обнять,
Росистым утром не вести прокосы.
Он отдал жизнь за то, чтоб в этот день
Белели облака, цвела сирень...
Над нами свищут нынче только осы.

* * *

Над нами свищут нынче только осы,
Лишь гром грохочет вместо канонад,
Лишь дятлы-автоматчики стучат,
Планируют не «юнкеры» — стрекозы.
Но не ушли из словаря солдат
Слова поры военной. На вопросы
Жены: — Что?.. болен?.. — сунув папиросы
В карман, ты говоришь: «Пойду в санбат»...
Кто как, а мы и в жизни настоящей
Половник называем «разводящим»,
Армейскую привычку не забыв.
Об этом вот с погодком, среди луга,
В густой траве, лицом к лицу друг с другом,
И говорим мы, стебли наклонив.

* * *

И говорим мы, стебли наклонив:
«Живущие, печалиться не надо!
Нам навсегда посмертная награда —
Сознание, что мир остался жив.
Да будет жизнь среди лесов и нив! —
Вот вам завет от нашего отряда.
Душою презирайте примитив.
Майоров Коля, Лебедев, Отрада».
Кульчицкий и Суворов говорят
От поколения фронтовых ребят:
«Решайте в пользу жизни все вопросы!
Огнями рушьте царство зла и тьмы.
Живите так, как жили мы, а мы —
Мы были высоки, русоволосы...»

* * *

Мы были высоки, русоволосы,
И бесталанным не был ни один.
И пели мы про пепельные косы
И паруса далеких бригантин.
День ото дня росли у нас запросы,
Нас волновали в пору тех годин
Футбол, международные вопросы
И споры о достоинствах картин.
Мы крылья расправляли. Мы писали
О родине и о себе. Мы знали:
Всего превыше слово «Коллектив».
Потом ушли на Финскую поэты.
В огонь. О днях неповторимых этих
Вы в книгах прочитаете, как миф.

* * *

Вы в книгах прочитаете, как миф,
Про сорок первый, про войны начало.
«Вставай, страна огромная...» звучало
Повсюду, как суровый лейтмотив.
Кричали эшелоны на вокзале.
Хлеба горели на просторах нив.
Скот угоняли и стада мычали.
Шел на восток, кто оставался жив.
А мы на запад ехали в теплушках,
Мешок походный с бритвою да кружкой
Под голову в дороге положив.
Дым паровоза встречный ветер грудил.
О нас потом расскажут, как о людях,
О людях, что ушли не долюбив...

* * *

О людях, что ушли не долюбив,
Писать мне диктовали долг и время.
Но мне вовек не рассчитаться с теми,
Кто в землю лег, глаза навек смежив.
О людях, что ушли не долюбив,
Я постоянно думаю все время,
И к этой для меня священной теме
Я возвращусь не раз, покуда жив.
Единственной из заданных орбит
Земля, людьми спасенная, летит.
На ней пылит пурга, ложатся росы,
В ней дремлют руд пласты и корни ив,
В ней люди, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы...

* * *

Не докурив последней папиросы,
И мы уйдем во тьму. Всему свой срок.
Ну а пока — летит состав. Откосы
Мелькают. В окна рвется ветерок.
Мелькают станционные березы.
В купе разноязыкий говорок.
И километры пройденных дорог
Наматывает поезд на колеса.
Живых влекут открытья и пути.
Нам за троих — за Них — вперед идти,
Стихи писать — о том Они мечтали.
Покуда сила есть и зорек глаз,
Нам сталь ковать, в земной вгрызаться пласт, —
В земле слежалась тьма свинца и стали.

1966

